

ОСТРЫЙ УМ И ЧУТКОЕ СЕРДЦЕ

К сожалению, не является редкостью среди известных в науке личностей сочетание высокого интеллекта и некоторой черствости к окружающим. И замечательно, что есть примеры иные: соединение в человеке и исследовательского таланта, и внимательного отношения к людям. Именно этой особенностью обладал Н. Ашмарин, о чем свидетельствуют его письма, хранящиеся в Государственном историческом архиве.

О том, какое место занимает Николай Иванович Ашмарин в чувашеведении, можно сказать словами Наркома просвещения Чувашской АССР А. Никитина (1926 год): «Немногие народы, в особенности отсталые, как чуваша, имеют своего Н.И. Ашмарина, у немногих народностей были такие пионеры, которые всю свою жизнь и свои богатейшие способности употребили на любовное собирание и изучение памятников языка».

Это — об Ашмарине-ученом. А вот свидетельство, характеризующее его как человека. Николай Иванович, к примеру, одним из первых дал положительную оценку труда исследователя Г. Тимофеева «Тăхăръял» (Девять деревень): «Я с удовольствием прослушал и прочитал некоторые тетради, написанные Тимофеевым, — пишет он, обращаясь к просветителю И. Яковлеву, — и нахожу, что они отличают значительную наблюдательность и близкое знакомство с описываемой средой их автора. Мне кажется, что ввиду почти полного отсутствия сочинений этнографического характера, посвященных чувашам, было бы весьма нелишне предать этот труд тиснению, может быть он вызвал бы некоторые подражания и вообще был бы полезен в том отношении, что внес бы некоторые «новые элементы мышления» в головы иных интеллигентных чувашей, почти уже не знающих своего родного быта или мало им интересующихся. Не сомневаюсь, что обнаружение подобных сочинений не будет бесполезным и для науки в качестве сборника материалов, обработкой которых могут заняться и другие».

Необходимо в связи с этим сказать несколько слов и о самом Григории Тимофееве. Это выпускник Симбирской чувашской учительской школы, учитель и затем священник в селе Альшееве Буинского уезда, в 1915-1923 годах искавший лучшей доли в Сибири. Вернувшись на родину, сменил несколько мест работы: нигде надолго не позволял задерживаться ярлык «бывший священник, бывший лишенец».

И вот в 1927 году Ашмарин, не побоявшись тоже оказаться в опале и стать жертвой начинающих репрессий, пишет в Наркомпрос: «Относительно Г.Т. Тимофеева, о котором мне прислан запрос, считаю долгом сообщить, что, по моему мнению, он был бы отличным преподавателем чувашского языка в отношении его практического употребления. Он, как человек прекрасно владеющий письменной чувашской речью, что он показал в своем произведении «Тăхăръял», мог бы задать своим ученикам умение писать правильно по-чувашски и ознакомил бы их с приемами изучения чувашской народности в этнографическом отношении. Я не сомневаюсь, что при его способностях и умении быстро ориентироваться в предмете он усвоит очень быстро весь тот материал, который требуется для преподавания в школе 2-й ступени».

Нарком просвещения А.Никитин прислушался к мнению Н. Ашмарина, и Тимофеев был назначен на должность учителя в Цивильской школе. Правда, впоследствии, в 1929 году, Тимофееву эту работу пришлось оставить — снова начались переезды, а в 1937 году его жизнь трагически оборвалась.